

АЛАЯ
БЕТТИ

ПОРОЧНЫЕ
Бандиты
ДЛЯ БУЛОЧКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Бетти Алая

Порочные бандиты для булочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72959082

SelfPub; 2025

Аннотация

Что делать девушке плюс сайз, если ей заинтересовались два опасных бандита?

Спасать дядю от долгов— дело благородное.

Но как сохранить себя, когда правила игры диктуют они, а ставка – ее тело?

ОДНОТОМНИК

ХЭ

Мини-роман.

Внимание, в книге есть:

МЖМ!

Дерзкая булочка с острым язычком!

Властные бандюки!

Откровенные сцены!

Нецензурная лексика!

ХЭ с двумя мужчинами!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бетти Алая

Порочные бандиты для булочки

Глава 1

Нина

– Ниночка, ты опоздаешь на лекции! – голос дяди Степы доносится из зала. – Я сам приберусь!

Мой дядя Орешкин Степан Николаевич, в свои шестьдесят – самый настоящий энерджайзер.

Он держит бар «У Степаныча» на окраине столицы. Когда-то это было культовое место с живой музыкой по выходным, невероятной атмосферой и пивом личной рецептуры.

Сейчас бар изменился: кожа диванчиков поистерлась, на барной стойке появились царапины, но собственное пиво по-прежнему лучшее в городе.

Вот только кризис подкосил даже моего энергичного дядюшку. Клиентов стало меньше, персонал пришлось сократить. Теперь я подрабатываю здесь официанткой. Параллельно учусь в магистратуре на сексолога.

Но я не унываю. Орешкины не сдаются!

– Я сейчас, дядя! – запихиваю в рот последний кусок бутерброда, сметаю крошки и бегу в раздевалку.

В баре царит полумрак, пахнет моющим средством. Тетя Маша из соседнего подъезда за символическую плату шуршит шваброй. Быстро переодеваюсь в джинсы и блузку, укладываю волосы.

В зале меня ждет дядя. Он вырастил меня. Родители погибли в автокатастрофе, когда мне было три. С тех пор дядя Степа для меня и папа, и мама в одном лице. А я его свет в окошке, так он говорит.

– Ты сегодня до вечера на занятиях? – спрашивает, поправляя мой воротник.

– До обеда. Потом заеду в клинику к доктору Щекоткиной, Настя обещала подписать мне документы о практике.

– Ты такая молодец! – дядя смахивает слезы с ресниц. – Твои родители гордились бы тобой!

– Это все благодаря тебе. Обещаю, дядя, я открою свою клинику, и ты никогда не будешь нуждаться! – я смачно чмокаю его в щеку и вылетаю на улицу.

В университете меня уже поджидает местная «королева красоты» Ольга Ефимова со своей свитой. Ну вот, я надеялась хотя бы сегодня провести день без словесных баталий.

– О, смотрите! Наша пышка-сексолог спешит на занятие. Ведь только тут она узнает, что такое секс.

Останавливаюсь и складываю руки на груди. Да, я пол-

ленькая. Но дядя всегда говорил, что красота идет изнутри. И я ему верю!

– А ты поэтому прогуливаешь, Ефимова? Уже прошла практику за себя и за всю группу заодно? – выгибаю бровь.

– Ах ты! – Ольга сжимает кулаки, но я невозмутимо иду к лекционной, намеренно задев ее плечом. Пусть злится. Мне плевать. Я будущий сексолог, а она – тощая закомплексованная шлюха. Разница очевидна.

После пар быстро решаю дела в клинике. Мой ментор Руслана Михайловна сейчас на международной конференции. А еще она недавно вышла замуж и ждет малыша.

Так что клиника на управляющей Насте. Она моя подруга и без проблем подписывает нужные бумаги.

Затем мчусь в бар. Нужно помочь дяде с открытием.

Успеваю сделать часть заданий для ВКР. Тема у меня сложная: «Роль алекситимии в формировании сексуальных дисфункций у мужчин». Проще говоря, многие мужики не могут описать свои чувства словами «грустно» или «страшно» и оттого получают серьезные проблемы в постели. Интереснейшая тема.

Ближе к открытию надеваю форму официантки, собираю свои длинные платиновые волосы в высокий хвост, крашусь. Уже готовлюсь бежать на помощь дяде, как вдруг слышу грубые мужские голоса, доносящиеся из зала. Замираю.

– Где бабки, Степа? – низкий хриплый рык заставляет меня вздрогнуть.

– Я отдам... честно... Макар, только не...

– Степа, ты не пизди нам, – обрывает его другой голос, бархатный, но не менее опасный. – Мы знаем все о твоих делах. Ты далеко не так беден, как хочешь казаться.

– Герман...

– Я сказал, гони бабки, блядь! Иначе...

Сердце падает в пятки. Дядя должен денег бандитам? Боже! Неужели все настолько плохо? Прислушиваюсь.

– Мы слышали, у тебя подрабатывает сочная молодая племянница... – в голосе Макара сквозит неприкрытая похоть.

– Нет, только не она! – голос дяди полон отчаяния.

– А мы любим молодых девок, правда, Гера? И могли бы списать твой долг...

Ярость подкатывает к горлу. Да как они смеют?! Вылетаю в зал.

– Оставьте его! – рычу, вставая между дядей и непрошеными гостями.

Их двое. Один – высокий брюнет в синих джинсах и черной кожаной куртке. Густая щетина, карие глаза, в которых читается холодная жестокость и дикое животное начало.

Второй – широкоплечий шатен в идеально сидящем сером костюме-тройке. Волосы зализаны назад, глаза серо-голубые, опасные и глубокие. В нем чувствуется хищная утонченность.

Оба смотрят на меня с таким высокомерным превосходством, словно я не человек, а таракан.

– А ты, толстушка, иди, куда шла, – усмехается Макар.

– А то что? – копирую его высокомерный тон.

– Где горячая племянница, Степа? – Герман медленно проходитесь по мне изучающим взглядом, по телу пробегают мурашки. Жуть! Он облизывается.

– Это я, – вздергиваю подбородок. – Проблемы?

– Ниночка, милая... я сам... – пытается вступить дядя Степа, но я жестом заставляю его молчать.

– Ты? – оба бандита брезгливо осматривают мои пышные формы. Тот, что Макар, фыркает: не... толстовата... Так, Степа! Бабки гони! А не то...

– Нет уж! – перебиваю их, скрестив руки на груди. Меня бесят их взгляды. Что, если молодая, то должна быть тощая и дрожащая? Нет, я не такая! – Я еду с вами!

– Ты серьезно, булочка? – Герман склоняет голову.

– Абсолютно. Вы хотели племянницу? Вот она я. Оставьте моего дядю в покое. У него нет столько денег, мы на мели. А я... – сглатываю, но не отвожу взгляд, – выплачу его долг.

Глава 2

Нина

Мужики переглядываются. Герман ухмыляется, а Макар начинает хохотать.

– Прости, пышка, – произносит бандюк, – но ты немного не в нашем вкусе. Будь ты раза в два поменьше...

Сердце ёкает с надеждой. Может, сейчас они просто развернутся и уйдут? И долг дяде простят?

Но заинтересованный взгляд Германа гасит эту искру.

– А знаешь, – он ухмыляется, – Макар... пусть! Думаю, мы найдем применение ее формам. Ну что, булочка, поехали к нам в гости.

В его глазах появляется хищный блеск. Сглатываю. Боже! Страшно-то как! В горле пересыхает, а ноги становятся ватными.

– Я не отдам свою племянницу! Найду деньги... – вступается дядя Степа.

– Дядя, – останавливаю его. – Все будет хорошо. Ты слышал, я не в их вкусе.

– Ниночка...

– Я разберусь и вернусь. Ты, главное, не волнуйся, у тебя сердце, – обнимаю его. Затем разворачиваюсь к бандюкам. Смотрю на них с неприкрытым отвращением. – Мне нужно собрать вещи.

– Не надо. У нас нет времени на хуйню, поехали, – бросает Макар, разворачивается и направляется к двери.

– Но вы же простите дяде долг? – спрашиваю Германа.

– Смотря как будешь отрабатывать. Если с энтузиазмом, – взгляд Германа задерживается на моей пышной груди, так некстати обтянутой довольно узкой формой официантки, – то да. А если нет...

Его взгляд красноречивее любых слов.

Агрессивные мужики, выпячивающие свою маскулинность. У них точно проблемы в постели. Что ж, может, я смогу на этом сыграть?

А еще очень надеюсь, что у них на меня реально не встанет. Хотя взгляд Германа мне не нравится. Он смотрит на меня с похотью, словно на игрушку.

Когда я прохожу мимо него, бандюк резко хватает меня за волосы, затем жестко сдергивает резинку для волос. Белые волосы рассыпаются по плечам.

– Так мне больше нравится, – хищно улыбается, а я стараюсь не показать страха, хотя внутри все леденеет.

Мне очень страшно! Я привыкла давать отпор задирам в универе. Они, как правило, лишь на словах такие. А от этих двоих веет реальной опасностью.

– Нина! – зовет дядя, я улыбаюсь ему напоследок.

Ничего! Орешкины не сдаются! Я не позволю этим двоим меня и пальцем тронуть!

Выхожу на улицу, Герман следует за мной. Он просто

огромный! И Макар тоже. На вид лет тридцать, очень агрессивные движения. Брови сведены, взгляды цепкие и внимательные. Одеты хорошо, ухожены. Щетина явно для имиджа.

– Нравится? – ухмыляется Герман, заметив мой изучающий взгляд.

Фыркаю.

– Садись, пирожок, – ухмыляется Макар, указывая на дверь дорогого черного внедорожника.

– Даже не откроете даме дверь? – нарываюсь.

– Сама справишься. Ты же хочешь ехать? – рычит Макар, но Герман с улыбкой открывает передо мной дверь.

– Мы же джентльмены, Макар.

Плюхаюсь на заднее сиденье. Мужчины устраиваются спереди. Макар за рулем.

Ситуация, мягко говоря, странная. Я пытаюсь собрать мысли воедино. Что дальше? Куда меня везут? И как мне сохранить себя?

– Нина, значит? – спокойно спрашивает Герман, оборачиваясь ко мне. Поджимаю губы, делая вид, что смотрю в окно. – В баре ты была общительнее.

– А вы часто промышляете таким? – складываю руки на груди.

– Каким? – хмыкает Герман, в серо-голубых глазах мелькает искра азарта.

– Похищением молодых и сочных?

– Мы любим молодых и стройных, – рычит Макар, не обо-

рачиваясь, – но пришлось взять, что есть. Раз уж сама навязалась... учти, что тебе придется проявить чудеса акробатики, булочка, чтобы удивить нас и уломать простить долг твоего дяди. У меня вряд ли на тебя даже встанет...

Вот оно! Лазейка!

– Проблемы с потенцией? – понимающе спрашиваю.

– Че вякнула?! – он смотрит на меня в зеркало заднего вида. Глаза бандита наливаются кровью.

Ага, за живое его задела! Отлично, Нина, продолжаем в том же духе! Пусть злится, теряет контроль. В гневе все совершают ошибки.

– Ну... как сексолог могу сказать, что у мужчины с нормальным уровнем тестостерона член стоит даже на женщин, которые не являются его типом. А если уровень низкий, то он начинает придирается к формам, чтобы оправдать свою половую несостоятельность.

– ЧО, БЛЯДЬ?! – Макар зыркает на меня так, словно хочет придушить. Машина виляет влево.

– На дорогу смотри, – спокойно говорит Герман. – Не видишь, что она тебя просто нарочно заводит? Думаешь, Нина, если разозлишь нас, мы тебя не трахнем? Или, может, наоборот, надеешься на это?

От его слов по спине бегут противные мурашки. Хотелось бы надеяться, что не трахнут. Молчу. Поджимаю губы. Смотрю в окно. Мы едем по элитному району.

– Приехали, – говорит Герман.

Так, за поездку я сделала два вывода.

Макар – агрессивный самец, который очень беспокоится за свою потенцию, а вот Герман – темная лошадка. Спокойный, уверенный, невозмутимый. Просто так его не вывести из себя.

Значит, в их связке Макар – сила, а Герман – мозги. Он опаснее. Мне нужно максимально его избегать и постараться сделать так, чтобы Макар сам решил от меня избавиться, списав при этом долги дяди.

Только вот как это повернуть?

Мы заходим в роскошный высотный дом. Консьерж почти кланяется. Лифт поднимается на самый верх. В голове проносятся картинки из триллеров: меня сейчас расчленият и скормят питбулям.

Но когда лифт открывается, я вижу не логово маньяков, а огромную стильную квартиру с панорамными окнами и видом на ночной город. Дорогой минимализм, много кожи, стекла и хрома.

– Раздевайся, – бросает Макар, снимая куртку.

У меня перехватывает дыхание.

– Что? Прямо тут? – пытаюсь скрыть панику.

– А ты думала, мы чай с пирожными будем пить? – усмехается Герман, медленно приближаясь ко мне. Он снимает пиджак, вешает его на спинку стула. Его движения плавные, уверенные. – Ты здесь, чтобы отрабатывать долг. Начинай. Покажи, на что способна наша смелая булочка. Ты же не

только на словах такая, правда?

Упс!

Он садится в кожаное кресло, пристально смотрит на меня. Макар стоит рядом, скрестив руки на груди. Его взгляд все так же полон злобы, но теперь в нем проскальзывает и похоть.

Замираю. Сердце вот-вот из груди выпрыгнет. Принципы принципами, а долг дяди висит надо мной дамокловым мечом. И эти двое не шутят.

Они забрали меня, и они возьмут свое. Так или иначе.

Мысль о том, чтобы отдаться им, вызывает отвращение. Но где-то в глубине души появляется другой, тоненький и слабый голосок: «А если попробовать взять контроль? Превратить это в свою игру?»

Делаю глубокий вдох, вздергиваю подбородок. Дрожащими пальцами касаюсь пуговиц на груди.

– Ну что ж, – произношу громко. – Давайте посмотрим, кто кого здесь будет удивлять. Надеюсь, у вас нет проблем с выносливостью?

От моих слов Макар издает хриплый смешок. А Герман просто улыбается, и в его глазах загорается опасный огонек, которого я так боюсь.

Что же делать? Либо сломаюсь я. Либо они. Третьего, кажется, не дано.

Глава 3

Герман

Вижу длинные дрожащие пальцы на пуговицах. Этот едва уловимый страх в глазах, который Нина так яростно пытается скрыть за дерзостью.

Блядь, какая же она сочная! С того момента, как булочка выскочила из-за стойки бара, словно разъяренная львица, я представил, как эти полные губы сомкнутся вокруг моего члена.

А как она уперлась руками в свои пышные бедра...

Я знаю, что у пышек самые узкие и горячие дырочки. Фантазия уже зашла так далеко, что я чувствовал, как Ниночка сжимает меня внутри.

А вот Макар смотрит на нее, как на бракованный товар. Ну и ладно.

В итоге мы все равно забрали ее, и я уверен, что буду ночами напролет наслаждаться ее телом. Правда, булочка оказалась с изюмом.

С острым язычком, который создан для того, чтобы облизывать головку моего члена, а не стесаться над Макаром. Но это лишь раззадорило меня.

И вот сейчас, в свете нашей гостиной, я вижу трещину в ее броне. Легкий испуг. Это заводит меня еще сильнее. Дико хочется сорвать с булочки эту дерзкую маску и увидеть обнаженную душу.

Нина медлит, расстегивая вторую пуговицу. Мой пах напрыгается, член каменеет, упираясь в ткань брюк. Я хочу эту девочку до безумия.

– Сколько тебе лет? – спрашиваю на всякий случай.

– Двадцать три, – ровно отвечает Нина, не глядя на меня.

– Хорошо..., а то молодо выглядишь, – склоняю голову набок, изучая ее.

Она замирает. Оттягивает время? Хватит! Встаю и подхожу вплотную, нависаю над девчонкой. Нина инстинктивно опускает взгляд.

Кладу руки на ее талию. Ох, сука... Она такая мягкая. Вижу полные полушария груди, выглядывающие из-под полурасстегнутой рубашки.

– Продолжай, – рычу на ее ушко и с удовольствием замечаю, как по нежной коже бежит табун мурашек.

– Хорошо, – выдыхает Нина и вновь принимается расстегивать рубашку механическими безжизненными движениями.

Макар обходит нас вокруг, как голодный волк.

– Не вижу энтузиазма, – рычит друг, и Нина вздрагивает от страха. – Что же ты... не хочешь проверить нашу выносливость и мою потенцию?

Друг поправляет свой напрягшийся член в джинсах. В глазах Нины вспыхивает чистый животный ужас.

Она расстегивает последнюю пуговицу. И тут на меня накатывает волна злости. На нее? Или на себя? Она не хочет. Все женщины, которых я встречал, хотели меня. А эта булочка с изюмом нас боится.

Резко, почти грубо я распахиваю ее блузку. Голубое кружево. Восхитительная грудь, которую так и хочется сжать в ладонях и покрыть поцелуями. Соски торчат, упираясь в ткань. Адское искушение. Но что-то во мне сопротивляется.

Я не могу. Запахиваю ее рубашку обратно.

– Что ты делаешь? – почти рычит Макар. – Мы будем ебать ее или нет?

– Сегодня нет, – говорю твердо, глядя в широкие, полные удивления глаза Нины. – Я не насиую женщин, Макар. Они сами приходят ко мне в постель и раздвигают ноги.

– Я никогда так не сделаю, – голос Нины дрожит, но звучит уверенно. – Так что лучше возьмите свое и отпустите.

Я подцепляю ее подбородок пальцами, рывком заставляю смотреть мне в глаза. Гордая, значит?

– Мы возьмем свое, булочка. Но ты сама нам это дашь, – шепчу ей прямо в губы, чувствуя сладкое дыхание. – Ты придешь, снимешь свои кружевные трусики... и ляжешь на мою постель, раздвинув ляжки. А я подумаю, трахнуть тебя или нет...

Нина вздрагивает, по ее телу снова пробегает мелкая

дрожь. О да, я обожаю такие игры! Макар смотрит на меня непонимающим взглядом.

Нина дрожащими пальцами начинает застегивать рубашку.

– Иди, выбери себе комнату, – говорю, отступая на шаг. – Где ты будешь жить.

– Как долго? – спрашивает она, и в ее тоне снова появляются нотки дерзости. Упрямая маленькая стерва.

– Пока мы тобой не насытимся, – ухмыляюсь, наслаждаясь тем, как она краснеет.

– У меня учеба...

– Будешь учиться. Составь список того, что нужно забрать из твоей квартиры, мои люди все привезут. Одежду закажу завтра.

– Могу я дяде позвонить? – просит. Ты ж моя маленькая.

– Можешь. Но только один звонок. И никаких переписок.

– Вы простите долг? – это уже похоже на торг. Мне нравится.

– Все зависит от того, будет ли нам с тобой интересно, золотце, – ухмыляюсь, чувствуя, как снова возбуждаюсь от этой словесной перепалки. – Иди.

Звонко шлепаю ее по попке. Блядь, какая же она мягкая!

Мне нравится, как ее тело реагирует на меня. Даже несмотря на страх, Нина возбуждается.

Смотрю вслед этой яркой блондинке и не могу сдержать довольной улыбки. Надоели эти куклы с силиконом, готовые

на все за пару шмоток. Эту же хочется завоевать. Увидеть в ее глазах не страх, а желание.

– И что это было? – раздается голос Макара. Он уже наливает себе виски у бара. – Не знай я тебя с детства, подумал бы, что ты втюрился в эту пышку.

– Она мне интересна, – отвечаю, расстегивая верхние пуговицы рубашки. Голова немного кружится от возбуждения. – Хочу посмотреть, на сколько хватит ее смелости, гордости и дерзости.

– И мы правда спишем долг Степанычу? – выгибает бровь Макар, залпом осушая бокал. – Да у меня на нее даже не встанет!

– Уже встал, дружище, – усмехаюсь, – когда ты увидел ее восхитительные сиськи.

– Это сиськи... у меня всегда стоит на сиськи, – бурчит друг, отводя взгляд.

– Уверен, все остальное у нашей булочки тоже на высоте, – хриплю, наливая себе виски. – Я просто заебался уже от этих идеальных, но пустых кукол. Хочется подержать в ладонях что-то настоящее. Живое. Трепещущее.

– Так трахнул бы ее, и всего делов, – уперто говорит Макар. – Зачем тянуть?

– Она не хотела, Макар. Мы не самые честные люди на свете, но насиловать девушек... – осекаюсь, давая ему понять все без лишних слов.

Друг молча кивает. Он меня понимает. Не всегда одобря-

ет, но понимает.

Поднимаюсь на второй этаж пентхауса, прислушиваясь к тишине. Захожу в свою спальню и тут... слышу шум воды в душе.

– Ну что ж, пышная малышка, – ухмыляюсь про себя, – решила осесть прямо в логове льва? Упс, а я ведь и не сказал ей, где наши с Макаром комнаты.

Меня будоражит вся эта ситуация. Эта игра. Наглость и скрытый страх Нины. Я стягиваю с себя одежду, бросаю ее на пол. Ничего не планирую. Просто иду на звук воды.

Дверь в ванную не заперта. Толкаю ее и вхожу. Пар клубится, но сквозь него я вижу ладную фигурку за матовым стеклом душевой кабины. Ниночка стоит ко мне спиной, вода стекает по ее плечам, изгибам талии, пышным округлым ягодицам...

Она замирает, почувствовав мое присутствие. Резко оборачивается. Распахивает голубые глаза.

– Я не приглашала тебя в душ, – говорит дрожащим голосом.

– Это моя ванная, золотце, – облизываюсь, подходя ближе и отодвигая стеклянную дверцу. – И мои правила.

Глава 4

Нина

Мой мозг отказывается обрабатывать реальность. Я только что чуть не разделалась перед двумя мафиози, а теперь бегу по бесконечному коридору их роскошного пентхауса, как мышь в лабиринте. Нужно спрятаться. Сейчас же!

Забегаю в первую же попавшуюся спальню и замираю на пороге. Боже! Это не комната, а фото из журнала по дизайну. Все в черном, белом и металлике. Гладкие поверхности, глянцевый пол, низкая кровать-платформа с черным шелковым бельем, на стене абстрактная картина с парой мазков красного.

Холодно, бездушно, но очень стильно. Хром и стекло поблескивают в приглушенном свете. Ладно, пусть будет она. Я все равно в плену. Куда уж хуже-то?

Срываю с себя форму официантки и швыряю ее в угол. Чувствую себя грязной. От их похотливых взглядов, прикосновения Германа, от его горячего дыхания.

Ванная комната – продолжение того же минимализма. Огромная, вся в мраморе. Заскакиваю в душевую кабину с матовым стеклом, захлопываю дверцу и с силой выкручиваю

кран.

Хочу смыть с себя этот день. Внутри поселился страх и странная липкая тяжесть внизу живота, возникшая, когда Герман смотрел на меня голодным взглядом.

На меня никогда в жизни так не смотрели! А я-то уже поверила в свою неуязвимость. Думала, смогу всех победить. А эти двое просто забрали меня, как вещь.

Я закрываю глаза, подставляю лицо горячим струям. Дрожь понемногу отступает. Ладно, Орешкина. Да, вляпалась по уши. Но они не изнасиловали меня. Это уже плюс.

Значит, с ними можно договориться? Но как? Ублажить их..., но как без... того самого? Или притвориться, перетерпеть?

Нет! К тому же Герман видит меня насквозь. Он играет со мной, как кот с мышкой.

От одной мысли о его пронзительных серо-голубых глазах все тело пронзает странный, пугающий и приятный спазм.

– СТОП! – вслух говорю сама себе, пытаюсь остановить поток развратных мыслей.

И в этот миг кожей чувствую чужой взгляд. Резко оборачиваюсь, и сердце проваливается в пяточки. В дверях, прислонившись к косяку, стоит Герман. Совершенно голый.

– Я не приглашала тебя в душ! – голос предательски дрожит, инстинктивно прикрываюсь руками.

– Это моя ванная, золотце, – мужик облизывается, как хищник, подходит и без усилий отодвигает стеклянную двер-

цу. – И мои правила.

Он заходит ко мне, и я жмусь к противоположной стене. Зажмуриваюсь.

– Ты никогда не видела голого мужчину? – слышу насмешливый баритон.

– Я хочу уйти... простите, я выберу другую спальню, – лепечу, чувствуя, как горит лицо.

– Нет, у тебя был лишь один шанс выбрать. Ты выбрала мою спальню, золотце.

Я пытаюсь прикрыть грудь и лобок, но чувствую себя абсолютно незащитной. Герман стоит в полуметре, мокрый, могучий и... он смотрит.

– Тебе говорили, что у тебя красивое тело? – от хриплого низкого голоса по телу бегут мурашки.

Я молчу, стиснув зубы.

– Открой глаза, – жестко приказывает.

Я подчиняюсь. Не могу послушаться. И замираю. О Боже!

Я думала, он красивый в костюме. Но под дорогой тканью скрывалось... это.

Тело греческого бога. Широкие плечи, мощная грудная клетка с рельефными мышцами, идеальный пресс, бедра... и между ними...

Невольно опускаю взгляд, и глаза выпучиваются сами собой. Он огромный! Толстый. И это он еще... в состоянии покоя? Упс!

Прямо на моих глазах член начинает медленно подни-

маться, наливаясь силой и становясь еще более пугающим.

– Нина, – возникает мысль, – твои академические познания в сексологии явно не охватывали практику такого... калибра.

Хочется истерически рассмеяться.

– Помой меня, золотце, – приказывает Герман, и его голос возвращает меня в реальность. – Я не буду тебя трахать, обещаю. По крайней мере, сегодня. Но хочу, чтобы ты меня потрогала.

– Извращенец! – вырывается у меня.

Но его это, кажется, даже забавляет.

– Почему? Я же хочу, чтобы меня коснулась красивая девушка. Не бойся... я не трону тебя.

Его голос обманчиво нежен, но я чувствую исходящую от него угрозу. Герман опаснее Макара в тысячу раз. Потому что он умный, терпеливый, и он знает, чего хочет.

И в этот момент я вдруг, к своему ужасу, ловлю себя на мысли: а какой Макар без одежды? Дикий и огромный татуированный зверь? Гоню прочь эти развратные фантазии. Я не такая!

Но руки сами тянутся к флакону с гелем для душа. Выливаю на ладонь ароматную жидкость с ароматом ментола.

Беру мочалку и начинаю водить ею по его мужскому телу. Плечи, грудь... Кожа гладкая, горячая, под ней стальные мышцы. Герман стоит, не двигаясь, и наблюдает за мной.

Мое сердце колотится с третьей космической скоростью.

Опускаюсь ниже, намыливаю мощный пресс, стараясь не смотреть туда, где гордо пружинит его внушительное достоинство. Безуспешно. Взгляд постоянно соскальзывает туда.

– Теперь руками, – тихо говорит Герман. – Без мочалки.

Сглатываю ком в горле. Кладу мочалку на полку. Провожу ладонями по горячему торсу. Чувствую каждый мускул, каждый кубик пресса. Это так интимно. Ужасно интимно!

И так возбуждающе. Для моей неопытной девственной психики это перегруз. Мои соски предательски набухают, и я молюсь, чтобы бандюк этого не увидел.

Наконец я решаюсь. Обхватываю его член ладонью. Он гладкий, как бархат, и твердый, как сталь. Горячий. Большой.

Герман издает тихий одобрителный стон, и от этого звука у меня подкашиваются ноги. Осторожно вожу вверх-вниз, намыливая его, чувствуя его тяжесть в своей руке. Мне страшно, стыдно и... дико интересно.

Смываю гель, и тут слова сами срываются с губ помимо воли.

– Я девственница.

– Это заметно, Нина, – усмехается Герман, он явно не удивлен.

Выключаю воду и выскальзываю из кабины, как ошпаренная. Ноги подкашиваются, я поскальзываюсь на мокром полу и падаю... Прямо в сильные руки.

Герман ловко ловит меня, прижимает к своему мокрому

горячему телу. А член, который я только что мыла, теперь упирается мне в ягодицу. Впадаю в панику.

– Отпусти!

Герман выпускает меня, и я, сорвав с вешалки большое банное полотенце, пулей вылетаю из ванной. Добегаю до двери в спальню, хватаюсь за ручку, а она не поворачивается!

– Тут магнитный ключ, золотце, – раздается сзади спокойный голос Германа. Он выходит из ванной, обернув полотенце вокруг талии, и смотрит на меня с хищной усмешкой. – И я тебя этой ночью не выпущу. Кровать большая, нам обоим хватит места.

Меня сковывает ужас. Я в ловушке. В спальне у бандита. Но... раз уж в душе ничего не случилось, может, и в постели все обойдется? Он же дал слово.

С опаской подхожу к огромной кровати и забираюсь на самый ее край, спиной к Герману. Сейчас ляжет рядом, начнет что-то делать...

Но слышу только его шаги, скрип шкафа. Через несколько минут свет гаснет, и я чувствую, как матрас прогибается под весом мужчины с другой стороны. Герман сохраняет дистанцию.

– Спокойной ночи, золотце.

Постепенно адреналин отступает, сменяясь дикой усталостью. Веки тяжелеют. Сон накатывает волной, смывая все страхи и сомнения.

А просыпаюсь я от того, что нечем дышать. Что-то тяже-

лое и теплое сдавило грудь.

Распахиваю глаза и понимаю, что это рука Германа. Он перевернулся во сне и обнял меня, ладонью нагло стискивая мою грудь. Полотенце, в котором я заснула, валяется у кровати.

Мужчина что-то бормочет во сне. Затем нагло хватает меня за вторую грудь. МАМОЧКИ! И я не нахожу ничего лучше, чем...

Глава 5

Нина

– А-А-А! – вырывается из груди пронзительный визг. Возмущение, жгучее и острое, заливают меня с головой. Как он посмел?! Своей грубой лапой сжимает мою грудь, будто я вещь! Свинья!

– Тихо, – хриплый сонный рык обжигает кожу шеи, и огромная ладонь ложится на мои губы.

– Ммм! – пытаюсь возмутиться, широко распахнув глаза. Злобно молочу кулаками по мощному телу бандита. Бьюсь, но Герман словно скала.

– Ммм! Ммм!

– Не верещи, золотце, – его голос ленивый и бархатистый, но в нем проскальзывает стальной приказ. – А то я рот тебе заткну. Угадай чем?

Я замираю. Испуганно хлопаю ресницами. Он же обещал! Но технически Герман сдержал слово. Вчера он не тронул меня. А сейчас утро, и о ласках наутро договоренностей не было. Упс!

Лежу, не двигаясь, как мышь под гипнотизирующим взглядом удава. Герман опасен. Очень, очень... ооочень!

– Умница, – он хищно улыбается. Взгляд ясный и острый, будто бандюк и не спал. Как так? Я после пробуждения еще час прихожу в себя. Господи, хватит думать о ерунде! Это от страха, я всегда начинаю тараторить про себя, когда мне страшно. – Ммм...

– Нет, не отпущу, – его взгляд, тяжелый и похотливый, медленно скользит по моему телу, заставляя кожу гореть. – Думаю, как же наказать тебя за то, что прервала мой сладкий сон.

Господи, это какой-то сюрреалистический кошмар! Помогите! Что же делать? Ища спасения, взглядом натываюсь на лампу на прикроватной тумбочке. Ну, как лампу... нелепый тяжелый предмет в стиле... эээ... современного непойми-какого-искусства.

Сглатываю ком, подступивший к горлу.

– Ну что, наш юный сексолог, – Герман облизывается, – есть предложения? Потому что у меня лишь один вариант...

Он убирает руку с моих губ. Боже, это полный дурдом! Я ведь хотела взять ситуацию под контроль, а теперь лежу обнаженная в неприлично роскошной квартире с невероятно опасным мужчиной... который, к слову, тоже абсолютно голый!

– Я... эмм... – шестеренки в голове вращаются с бешеной скоростью, но не цепляются ни за одну здравую мысль. Я спринтер, а не марафонец. Вчерашний героизм испарился, оставив лишь панику и вопрос: что делать дальше?

Притворно потягиваюсь, ища опору, и рукой нащупываю холодную металлическую ногу той самой лампы. Не думая, на автомате хватаю ее и с размаху заносу над головой!

Но удар не достигает цели. Герман с легкостью перехватывает мою руку, вырывает лампу и отшвыривает ее. Затем ручищей фиксирует оба мои запястья, прижимая их к подушке над головой.

– Ну что ж, золотце, я понял. Хочешь по-плохому? Будет тебе по-плохому, – его голос низкий и спокойный, но в нем слышится угроза. Герман жестко фиксирует мои руки, лишая малейшей возможности вырваться.

Свободной рукой тянется к тумбочке, и я замираю, следя за его движениями. Бандюк достаёт...

– Не надо... Я не буду... Я больше не буду, – лепечу, тараща на блестящие отполированные стальные наручники.

– Надо, Нина, – невозмутимо заявляет Герман. – Иначе ты так и не поймешь, кто здесь главный.

Он всем телом наваливается на меня сверху. Тяжелый, горячий. Не оставляет мне ни шанса. Раздается сухой зловещий щелчок. Поздравляю, Орешкина, вот ты и «перехватила инициативу»!

– Я не хочу... – голос предательски срывается, превращаясь в шепот. Пора признать: мне по-настоящему страшно.

– Захочешь, – его рычание обжигает кожу. Бандюк снова и снова оглядывает меня с ног до головы. Медленно, оценивающе. – Я умею быть очень убедительным.

– Вы обещали, – смотрю прямо в серо-голубые глаза. Бездонные, полные хитрости и наглости. Я изо всех сил стараюсь не думать о том, что от этого взгляда мои соски предательски набухают и твердеют.

– Ты сама легла в мою постель... сама сняла с себя полотенце... – Герман ухмыляется, и в его улыбке читается торжество. – И сама разведешь ноги, как я и говорил.

– Не дождетесь! – возвращаю себе крупицу самообладания, инстинктивно сжимая бедра. Но тело реагирует с точностью до наоборот. Внутри все сжимается от страха, но кожа под ладонями Германа начинает мелко дрожать от странного щекочущего возбуждения, а между ног рождается предательская стыдная влага.

Нет! Нет, я не такая!

– Посмотрим, Нина. А сейчас, – Герман прикрывает глаза и медленно, глубоко втягивает носом воздух, – прекрати сжимать ноги.

– Вот еще! – фыркаю, стискивая бедра еще сильнее, но волна возбуждения от этого только нарастает. Я же сексолог, елки-палки! Я должна все контролировать! Но в голове назойливо звучит голос Ефимовой: «Пышка о сексе только на парах слышала». И это горькая правда.

Герман вздыхает и резким точным движением проскальзывает ладонью между моих сжатых бедер. С губ срывается короткий писк, и мои ноги предательски разъезжаются в стороны.

– Вот видишь, а ты боялась, – бандюк сползает ниже по кровати, его дыхание опалает кожу моего живота, а затем и внутренней поверхности бедер. – Божественный аромат. Хочу услышать, как ты закричишь во время своей маленькой капитуляции. Ну же, золотце... начинай ругать меня. И умолять...

И тут он... боже мой! Он...

– Ммм! – выгибаюсь дугой, ощутив между ног влажный напористый язык.

И это Герман называет наказанием? Мамочки... о-о-о! Я и представить не могла, что это может быть так... ох!

Но я молчу.

Мои губы плотно сомкнуты. Я знаю, чего он ждет. Чтобы я закричала, взмолилась, признала его власть.

Но я не сделаю этого. Умру от этого нахлынувшего запретного удовольствия, задохнусь, сгорю дотла. Но не издам ни звука.

Глава 6

Макар

– Блядь! Сука! – ворочаюсь в постели. Кручусь, как свинья на вертеле, и все из-за этой толстушки. Невыносимой, с огромными глазами и пухлыми губами...

Проблемы с потенцией?

И этот ее понимающий язвительный тон! Он звучит в ушах, не умолкая. Резко сажусь на кровати, зарываюсь пальцами в волосы. Писклявый голосок блондинки бьет по нервам, как набат.

– Проблемы? У меня? – рычу в тишину пустой спальни. Срываюсь с постели и начинаю мерить шагами комнату. Пол прохладный под босыми ногами.

Сегодня должен был быть хороший день. Разгребли все с налоговой, забили стрелки кому надо, дали на лапу.

Планировал найти какую-нибудь стройную дурочку и вытрахать из себя всю дурную энергию. Но тут Герман со своими психологическими играми. Всегда ненавидел в нем это.

И его взгляд на эту пышку... Она его зацепила. Никогда не думал, что Гера может запасть на такую.

Выхожу на балкон. Воздух прохладный, приятно холодит

кожу. Закуриваю. Дым обжигает легкие, но хоть как-то успокаивает мой гнев.

Мы всегда вдвоем. С самого детдома. Меня младенцем подбросили к их двери. А вот Германа выбросили, когда ему было десять после того, как он чуть не забил насмерть какого-то пацана в школе.

Говорили, он опасный социопат. А его «семья» влиятельная и уважаемая, предпочла стереть сына как пятно на репутации, заплатив, чтобы о нем забыли.

В детдоме его спокойствие наводило ужас. Одного ледяного взгляда хватало, чтобы воспитатки замолкали и пятились. Ко всем Гера относился с холодным безразличием.

Помню, как подошел к нему первым...

– Привет, – бросаю, садясь рядом на скамейке, пока нас выгуливают, как собак за колючей проволокой. Не хватает лишь намордников и поводков.

Новичок молчит. Сидит, уставившись в землю, ковыряет палкой в грязи.

– Я Макар.

Молчание. Он продолжает заниматься своей хуйней, и это меня бесит.

– Ты хоть знаешь, кто я? – выпячиваю грудь, толкаю его плечом. Несильно, но с вызовом.

Новенький поднимает на меня глаза. Холодные, сероголубые.

– Ты Макар, – чеканит сухо, и это бесит еще сильнее.

– Эй! – вырываю палку из его рук, швыряю в грязь. Вокруг собирается наша шобла. Чувствую, что на кону мой авторитет. Нависаю над новеньким горой.

Он вздыхает и медленно встает. Смотрит на меня. А потом бьет. Резко, без предупреждения. Точный удар в челюсть. Я падаю в грязь, и по телу разливается жгучая злоба.

Вскакиваю и кидаюсь на него. Мы пиздим друг друга с остервенением, без правил. Все наши болеют за меня. Но в этом пацане... в нем столько спокойной, холодной ярости! Он дерется умно и жестоко. Словно его учили.

Он выбивает из меня дурь, а я ломаю его силой и яростью. Спустя минут пятнадцать мы просто валимся в грязь рядом, тяжело дыша, уставившись в серое небо.

– Я Герман, – хрипит он. – Ты хорошо дерешься.

– Ты тоже, – поджимаю разбитую губу, чувствуя вкус крови на языке.

– Будем держаться вместе...

Втягиваю табачный дым глубоко в легкие. Вредная привычка, но она хоть как-то гасит огонь внутри. Докуриваю, тушу окуроч и бросаю его в пепельницу. Возвращаюсь в спальню.

Нина...

С первого взгляда эта девчонка начала действовать мне на нервы. И Гера ведет себя неестественно.

Надо бы ее выебать, поставить на место. Член предатель-

ски пульсирует в домашних штанах. Опускаю взгляд.

— Ты совсем ебнулся? — хотя технически ебнулся я, разговаривая с собственным членом. — Стоять на толстушку? Она же совсем не в нашем вкусе.

Но эта падла не желает падать. Что ж...

Отличный шанс показать этой несносной пышке, что с моей потенцией все в порядке. Жажда доказать свою правоту и стереть насмешку с её лица затуманивает разум.

Вылетаю из спальни.

— И куда же мы спрятались? — хмуро бормочу, осматривая ряд закрытых дверей.

Заглядываю в первую гостевую. Пусто. Во вторую, в третью... Тишина. Взгляд сам цепляется за дверь в спальню Германа.

— Да быть не может... — чертыхаюсь себе под нос и подхожу ближе.

Прислушиваюсь. Ни звука. Абсолютная тишина. Неужели Гера трахает ее без меня? Руки сами сжимаются в кулаки.

А что мне с того? Она мне неинтересна. Завтра поеду к Лариске и выебу ее во все дыры, пока не забуду эту блондинку.

Лариска — моя любовница. Официально? Нет. Но она модель с обложек, стройная и горячая. Всегда на все готовая.

Даю себе слово завтра же вернуться к нормальной половой жизни с красоткой, захожу в свою спальню.

Падаю на кровать.

Но сон не идет. Вместо него в голове пляшут дикие навязчивые картинки: мой друг, а под ним она, эта пышная блондинка с распущенными белыми волосами...

— Она не в моем вкусе, — сквозь зубы цежу, ворочаясь с боку на бок. Но воображение упрямо рисует ее пышную грудь в том самом голубом кружеве (и без него), молочную кожу, налитые розовые соски...

— ДА СУКА!

Срываюсь вниз, хватаю бутылку виски и залпом осушаю ее почти до дна. Пью, пока горло не начинает жечь. Потом ковыляю обратно в комнату, срываю штаны и проваливаюсь в пустой пьяный сон.

Утро встречает меня тишиной и сильнейшей головной болью. Хватаю карту от своей спальни и на ощупь выползаю в коридор.

Зачем бухал? Чтобы не думать о пышных сиськах нашей пленницы? Почему я, блядь, вообще о них думаю?!

И тут из спальни Германа доносится приглушенный сдавленный стон.

— ОХ!

Кровь ударяет в голову. Нет, это уже ни в какие ворота не лезет! Она наша, блядь! Общая! А он ее себе прикарманил! Прислоняю карту к электронному замку, дверь распахивается.

Рот мгновенно наполняется слюной...

Глава 7

Нина

– Ммм! Оох! Это так... о да!

Конечно же, это лишь мои мысли, поскольку я держусь, как бравый солдат, не издав ни звука. Хотя внутри все уже медленно закипает, и я вот-вот взорвусь от нахлынувшего запретного удовольствия.

Я же никогда... ммм... ни разу... ооох! Не чувствовала ничего подобного! Прикрываю глаза, понимая, что если так продолжится, то я... я не выдержу...

Нет! Нужно срочно думать о чем-то максимально несексуальном! Например... хм...

Почему-то в голову лезет Макар, да еще и с голым торсом, покрытым татуировками. Мгновенно низ живота пронзает горячий спазм, настолько сильный, что с губ срывается предательский писк.

– Крепкий орешек, – ухмыляется Герман, и его горячее дыхание обжигает кожу моих бедер. – Держишься...

– Или ты просто не очень стараешься? – вызывающе выгибаю бровь, пытаюсь скрыть дрожь в голосе. – Много слов, а на деле... ААА!

Кажется, зря я это сказала. Его язык находит новую, невероятно чувствительную точку, и волна наслаждения заставляет мое тело выгнуться.

– Вот как? – прищуривается бандюк, а между ног я чувствую пульсирующее пламя. Он... вставляет в меня пальцы? Мамочки, почему это так ослепительно приятно?

Его язык такой горячий, настойчивый и умелый... Герман будто читает мои тайные желания.

– Я... ничего не чув...ствую... – слабо лгу, прикрывая глаза, и усилием воли призываю образ бесячки-Ефимовой с ее высокомерными глазищами. Так, вроде отпускает. Но образ Ефимовой растворяется, и тут...

Слышу грохот со стороны двери, и Герман останавливается. Уф! Будь мои руки свободны, я бы смахнула пот со лба. С ним невероятно сложно, этот мужик играет на моем теле, как виртуоз на инструменте.

– КАКОГО ХУЯ?! – в комнату врывается Макар, и я впервые в жизни ему по-настоящему рада. Боже, как он вовремя! Я была на грани, готовая сдаться и отдаться волнам надвигающегося оргазма, полностью подчинившись языку Германа.

– Тебя стучать не учили? – невозмутимо заявляет Герман, затем медленно, с наслаждением вытирает губы тыльной стороной ладони. – Отдохни немного, золотце. Мы сейчас продолжим.

А можно не надо?!

Он встает, потягивается, и его обнаженное тело кажется

еще более мощным. Он бросает хищный взгляд на Макара. Тот напоминает разъяренного быка. Пар почти что валит из его ноздрей, а мышцы напряглись, налитые сталью.

А он... ничего так. В низко сидящих штанишках виден каждый кубик его прокачанного пресса. Макар крупнее Германа, плечи шире. И татушки такие brutальные... так, Орешкина, опять тебя не в ту степь несет.

Но почему он такой злой? Сам же заявил, что я не в его вкусе!

Почему тогда его взгляд так жадно, почти ощутимо скользит по моей груди? И ниже? А я лежу здесь, прикованная наручниками... совершенно голая и беззащитная...

Боже...

– Вы что тут творите? – рычит Макар, играя желваками. Его взгляд падает на валяющуюся на полу лампу имени современного искусства. Он усмехается.

– А на что похоже? – Герман издевательски выгибает бровь. – Угадай с трех раз.

– Ты ее трахаешь? – Макар нагло, с ног до головы осматривает меня, словно я не человек, а вещь. Вот же мужской шовинист! Ууу!

Инстинктивно сжимаю ноги, чувствуя навязчивую, сводящую с ума пульсацию. Кончить хочется до слез. Ох, как невыносимо хочется! А тут два таких самца рядом! Их взгляды, тяжелые и похотливые, заставляют кожу гореть. Я все еще надеюсь на скандал, который остудит пыл Германа.

Но он снова удивляет.

– Хочешь посмотреть, как я подчиню ее окончательно? – тихо усмехается бандит. – Ты очень вовремя ворвался, Макар. Думаю, под твоим пристальным взглядом нашей булочке будет... еще жарче.

Он усаживается на край постели и тепло, почти ласково хлопает меня по бедру.

– Давай, золотце, раскрой для дяди Германа свою сладкую пещерку. Дай мне ее снова полизать.

Козлище! Вот же бесстыжая сволочь!

Я смотрю на него во все глаза, кусаю губы до крови. И все потому, что от его грязных властных слов мое тело отвечает диким стыдным трепетом.

Да, именно так! Я всегда смеялась над сокурсницами, взалхлеб читавшими любовные романы со всеми этими «пульсирующими членами» и «влажными лепестками».

А теперь мне не до смеха.

Во все глаза смотрю на Макара. Откажись! Я же не в твоём вкусе, козлина! Но он не отказывается.

– Почему бы и нет? – ухмыляется Макар, поправляя заметную выпуклость в штанах. Его член за время, что он здесь стоит, стал только тверже и больше. – Посмотрю, как наша гордая пышка кончает.

Боже, дай мне сил это вынести! Отчаянно позвякиваю наручниками и понимаю всю глубину своей ловушки. Что же делать? Господи! Герман снова этим своим уверенным же-

стом раздвигает мои ноги.

– Смотри, Макар... она будто специально готовилась, – его пальцы скользят по моим нежным складочкам, запуская новую огненную волну удовольствия. Я не выдерживаю и слегка веду бедрами. – Побрила все... так тщательно.

Я всегда брею, животное! Но я молчу, стиснув зубы. Перевожу взгляд с одного бандюка на другого. Глаза Макара темнеют от желания. Он забирается на постель и снова нагло меня осматривает, его взгляд будто оставляет следы на коже.

– Ничего такая... сучка... – хрипло произносит он. – Гладкая, нежная... идеальная для наших членов.

– Хамло, – цежу сквозь стиснутые зубы, сверкая на него глазами.

– Да, я такой, – он беспардонно приближает свое лицо к моему и, глядя прямо в глаза, цепляет мою нижнюю губу зубами, заставляя вздрогнуть.

– Ты не в моем вкуфе! – фыркаю, пытаюсь отстраниться, но чертовы наручники не дают мне и сантиметра свободы!

А Герман тем временем методично, неспешно возвращается к своему мокрому делу. И я поддаюсь. Точнее, поддается мое собственное тело, изголодавшееся по ласке, по прикосновениям, по этой дикой, животной страсти. Да когда же он устанет?!

Внизу живота все сжимается в тугий горячий клубок, и я чувствую, что вот-вот сорвусь в бездну...

Но тут...

Глава 8

Нина

Он отступает.

И на меня обрушивается цунами. Слепящая, унижительная волна разочарования.

Она смывает все мысли, оставляя лишь жгучую горечь неудовлетворенности. Слезы предательски подступают к глазам, а подбородок ходит ходуном.

Черт! Мое тело, еще секунду назад летевшее к вершине, теперь падает в бездну.

– Ну что, золотце. Это была лишь демоверсия, – ухмыляется Герман, его голос звучит сладко и ядовито. Он встает, и я замороженно слежу за тем, как он натягивает мягкие домашние штаны, скрывая мощь, которая только что доводила меня до безумия. – Если захочешь кончить по-настоящему... попроси. Как следует.

Еле сдерживаю рыдание, кусая губу до крови. Садист! Изверг! Чудовище! Я ненавижу его за эту власть. За то, что он играет моим телом, как игрушкой.

– Смотри-ка, Гера... наша булочка тебя ненавидит, – раздается голос Макара. Я совсем забыла о его присутствии.

А я и правда горю от злости. И не могу это скрыть. Какой позор! Я, будущий сексолог, поддалась животному удовольствию.

Значит, вот ты какой, Герман? Не джентльмен, а жестокий кукловод? Сначала довести до пика, предвкушения экстаза, а потом оставить одну на краю пропасти? Хотя, чего я хотела? С самого начала было ясно, этот мужчина опасен и коварен.

Получи, распишись, Орешкина!

Я с силой заталкиваю ком неудовлетворенности обратно внутрь. Эти подонки не увидят моих слез. Никогда не услышат моей мольбы.

Герман натягивает футболку, подчеркивающую рельеф его торса, затем открывает ящик тумбочки.

Сердце замирает в груди, надежда вспыхивает крошечным огоньком. Ключик? Он выпустит меня? Позволит уйти, спрятаться, прийти в себя?

Но эта сволочь...

– Держи, – он бросает маленький блестящий ключ Макару, и тот ловит его с хищной грацией.

Эээ... Я не понимаю!

– Если захочешь, освободи ее. Или пусть полежит, подумает над своим поведением, – ухмыляется Герман, и в его серо-голубых глазах я вижу холодную и беспощадную темную сторону. Я задела его мужское самолюбие? Моим отказом подчиниться?

Оно и понятно. Он опасный бандит. Наверняка ломал и не таких. А я всего лишь девственница-сексолог с завышенной самооценкой. Моя психика для него на один зуб. Но что-то упрямое и гордое внутри не позволяет мне сдаться или попросить.

Герман уходит. В комнате остается Макар. Упс...

Он медленно поворачивается ко мне, и его взгляд, тяжелый и изучающий, скользит по моему обнаженному телу, будто ощупывая каждый изгиб. Затем бандюк растягивается в ухмылке. Он демонстративно вертит в пальцах ключ.

– Хочешь освободиться, детка? – его голос, лишенный привычного рычания, звучит низким бархатным баритоном, и в темных глазах я вижу что-то... нечитаемое. Это мягкость? Капля нежности? Меня же глючит?

Грубый бандюк, что вчера кричал о моей непривлекательности, сейчас смотрит на меня почти ласково? Невольно ежусь, стараясь забиться глубже в изголовье кровати. Так, на всякий пожарный.

– Ну так что? Я жду ответ, – говорит Макар, и его голос ласкает слух. Он красив. Чертовски красив. Я сглатываю и, не в силах выдержать этот взгляд, согласно киваю.

– Хорошо. Но с условием, – его лицо снова расплывается в похабной ухмылке.

Да кто бы сомневался!

– Я не стану с вами спать... вы можете меня заставить, но я...

– Мы не насильники, детка, – перебивает Макар, наклоняясь ко мне. Я вдыхаю его запах: дорогой, древесный, терпкий парфюм, смешанный с чисто мужским животным ароматом. Он приятно щекочет ноздри.

Щелк!

Наручники расстегиваются. Опускаю затекшие руки, потираю покрасневшие запястья и смотрю на бандита с вызовом. А он на меня.

– Что же в тебе такого, а? – тихо, почти задумчиво произносит он.

– Что... – не успеваю сообразить, как его губы налетают на мои. Его поцелуй жадный, властный, глубокий. Боже мой! Не успеваю опомниться, как оказываюсь прижатой к кровати всем весом его могучего тела.

Да что ж ты будешь делать?!

У этих двоих что, общие звериные инстинкты? Но я даже не пытаюсь вырваться. Макар невероятно силен. Он возьмет то, что захочет, нравится мне это или нет.

Нужно просто выждать. У мужчин самое уязвимое место – то, за которое он так переживает. Значит, я найду подходящий момент и...

– Тишшш, я знаю, о чем ты думаешь, – рычит Макар прямо в мои губы, и внутри у меня все леденеет. – Не получится, булочка. К тому же... ты же хочешь...

– Не хочу, – шепчу, но мой голос звучит слабо и неубедительно, предательски дрожит.

– Хочешь. Ты вся мокрая... и я чувствую, как тебе нужно кончить. Я могу завершить твою пытку...

– Не надо. Я в порядке, – бормочу, но где-то в самой темной глубине души робко теплится надежда. Что насиловать не будут. А может, и сделают еще что-то приятное. Какая же я жалкая и развращенная!

– Посмотрим, – нагло, без разрешения, он просовывает руку между моих дрожащих бедер. А там настоящий потоп. Мамочки мои! Ему даже не нужно стараться, все скользко и горит от прикосновений его друга. Ну, Герман, зараза, добился своего!

– О-О-ОХ! – вырывается у меня сдавленный стон, когда палец Макара касается моего чувствительного набухшего клитора. Я забываю обо всем на свете.

– Здесь? – ухмыляется он, и тут же его горячий влажный рот захватывает мой сосок, заставляя все тело выгнуться. – Сиськи у тебя... что надо, пыш...

– Ко... зел! – стону, теряя остатки самообладания. – Не трогай... м-м-м... меня...

– Не сопротивляйся, – приказывает Макар, пальцем продолжая совершать круговые движения вокруг моей вершинки. Он тяжело дышит, мощное тело напряжено от возбуждения.

А я в полном шоке. Я ожидала жестокости, но не такой чувственной развращенности от этого татуированного монстра.

Пара точных, умелых движений пальцами – и меня уже не спасают ни образы Ефимовой, ни мысли о неправильности происходящего. Тело выгибается в дугу, я срываюсь в огненную бездну, стараясь сдержать визг. Получается тихий, сдавленный, постыдный стон.

– Вот так..., а теперь, булочка... давай-ка проверим мою потенцию, – Макар тыкается в мое бедро своим огромным твердым стояком, и по коже бегут от ужаса мурашки.

Нет! Нет!

– Давай не будем... – выдыхаю, все мое тело еще потряхивает от оргазма, – я не... ой...

Макар нависает надо мной. Его темный порочный взгляд приковывает меня к месту. И бандюк улыбается. Хищно и обещающе.

– Макар... я... – смотрю ему прямо в глаза, пытаюсь найти хоть каплю жалости, – я девственница...

Его ответ повергает меня в шок...

Глава 9

Герман

– Макар, стой! – голос Нины эхом расходится за массивной дверью спальни. Но я не спешу их прерывать. Я точно все рассчитал. Появление Макара, искорка стыдливого возбуждения в глазах Нины при его взгляде...

Да, я дарю ее первый яркий оргазм своему другу.

Видел, как Макар смотрел на нее. Не как на бракованный товар, а с темным животным голодом, с которым пес вглядывается в сочный кусок мяса.

Усмешка медленно ползет по моим губам.

Меня самого терзает дикий стояк, пульсирующий в такт учащенному ритму сердца.

И это крошечное щемящее чувство... вины? Нет, не совсем. Сожаление? О том, что оставил малышку на самом краю, не дав ей рухнуть в сладкую бездну.

Я прошелся по самой грани, но был уверен в Макаре. Я знал – он не подведет. В этом он всегда был лучше меня. У Макара, при всей его грубости, есть душа. Живая, ранимая, способная на сострадание.

Память отбрасывает меня в далекую лютую зиму. Нам то-

гда было по тринадцать...

— Как ты ему вмазал! — рычит Макар, его лицо расплывается в ухмылке. Друг хватает из сугроба ком грязного снега и со всей своей силы швыряет в почерневшую стену старой бани. И тут...

— Уаааа! Уаааа! — доносится жалобный тоненький писк. Мы замираем. На лице друга полное замешательство, смешанное с внезапной тревогой.

— Пошли, посмотрим, — тяну его за рукав телогрейки, но Макар стоит, словно врос в заледеневший асфальт.

— Ну нафиг, Гер! А вдруг там что...

— УБАА! — писк снова пронзает морозный воздух. И тут в моей груди, в том месте, что я давно считал мертвым, шевелится что-то теплое и щемящее. Чувство, которого я не испытывал даже тогда, когда моя респектабельная семья выбросила меня, как мусор, выбрав забыть о позорном сыне.

— Пошли, — говорю твердо, и мы, пробираясь сквозь глубокие сугробы, движемся на звук.

— Твою ж мать... Говорил же, что не надо! — Макар беснуется, когда мы обнаруживаем источник писка. Крошечный дрожащий комочек шерсти. Замерзший щенок. Внутренности скручиваются в тугий болезненный узел. Мне не нравится это чувство. Оно делает меня уязвимым.

Но вижу, что Макар испытывает то же самое. Только в отличие от меня, он не умеет прятать свои эмоции. Он груб, но честен. Для него еще не все потеряно.

Резко разворачиваюсь к нему спиной.

– Пошли отсюда, – цежусь сквозь зубы. Но это игра. Я снова манипулирую им, проверяю на прочность.

– Как? – Макар хлопает глазами, – мы так его бросим? Сдохнет же!

– Ты же хотел быть крутым, – глухо произношу, глядя куда-то в сторону, – а у крутых парней нет жалости.

– Знаешь, нахуй эту крутизну! – вдруг рычит друг, срывая с себя телогрейку и заворачивает в нее дрожащего щенка, бережно прижимая к груди. – Не так я себе ее представлял. Я буду крутым, но по-другому!

Он гордо шлепает впереди, несет в руках спасенную жизнь. Как символ того, что даже будущий бандит может остаться человеком.

А я иду следом и не могу сдержать улыбки.

– Ты всегда таким был... пока не нарастил шкуру потолще и не решил, что чувства – это слабость, – ухмыляюсь.

Нина...

Эта дерзкая пышная девчонка всколыхнула во мне что-то давно забытое. Увидев сегодня слезы на ее лице, я снова перенесся в тот двор, к старой бане. И вновь ощутил это острое, колющее чувство дежавю.

Я перешел грань между игрой и чем-то реальным, живым. В тот миг, когда Нина, дрожа, прикоснулась ко мне в душе, я едва не застонал, как подросток в пубертате. От ее неумелых, но безумно горячих пальцев мое тело вспыхнуло огнем. Еле

сдержался, чтобы не взять пышечку в душе.

А сейчас я стою у двери своей же спальни, прислушиваясь.

Приглушенный стон Нины эхом отдается в моей голове. Красивая. Молодая. Невинная. И такая... живая.

Я накрываю ладонью грудь, где под ребрами бьется сердце. Неровно и громко... впервые за долгие, долгие годы. Что, черт возьми, со мной происходит?

– Я не хочу! – доносится тоненький испуганный голосок из-за двери, и меня накрывает ледяная волна страха. А если Макар не остановится? Если я его переоценил? Если прямо сейчас он...

Что-то обрывается внутри. Резко распахиваю дверь и замираю на пороге. Картина, которая предстает моим глазам, вовсе не похожа на изнасилование. Скорее на горячее обоеюдное помешательство.

– Девственница? – по растерянному лицу Макара можно писать шедевр мировой живописи. Нина же, вся пунцовая, дрожащая, как осиновый лист, сидит, обхватив себя руками. Наручников на ней нет. Все ясно. Значит, мой расчет сработал. Друг оказался на высоте.

Небрежно прислоняюсь плечом к косяку двери.

– Развлекаетесь, голубки? – ухмыляюсь.

– Ты знал? – Макар рычит, спрыгивает с постели и подходит ко мне вплотную. Мы стоим нос к носу, два хищника, смеряющие друг друга взглядами.

– О чем? – делаю удивленное лицо, хотя прекрасно понимаю. Девственницы. Макар однажды имел неосторожность связаться с невинной и потом поклялся больше никогда и ни за что. Слишком много проблем.

– Что она... – друг зло зыркает на Нину, та вжимается в изголовье кровати, – девственница?!

– А тебя это не заводит? – мягко, почти шепотом спрашиваю я, чувствуя, как снова возбуждаюсь.

От одной только мысли, что невинность этой сочной сладкой булочки может достаться мне, все внутри замирает, а затем взрывается. Конечно, я не подаю вида. Но Ниночка... она заводит меня, как никто другой. Она – глоток свежего воздуха в моей удушливой, предсказуемой жизни.

– Эй! – раздается звонкий, полный возмущения голосок, – я вообще-то тут! И не планирую, что моим первым мужчиной станет неотесанное быдло или квази интеллектual с замашками садиста!

– Как мы заговорили после оргазма, – парирую, и меня поражает, что ее колкости не злят, а наоборот, будоражат. Они вносят в мою серую выверенную жизнь свежесть и хаос.

– Да! – выпаливает малышка, затем стремительно соскальзывает с кровати и подбирает свою форму официантки, прижимая ее к мягкому сладкому телу. Ну, чистая булочка, – а теперь позвольте откланяться! Мне нужно позвонить дяде!

– Стоять! – наш с Макаром рык звучит почти в унисон.

Но Нина уже мчится к двери, а мой взгляд залипает на ее

округлых голых ягодицах, которые так аппетитно колышутся в такт движениям.

Малышка пытается проскочить мимо, но я ловлю ее за талию и с силой прижимаю к себе, чувствуя, как горячее трепещущее тело отзывается на мое прикосновение.

– Отпусти! Ты изверг! Абыюзер! – верещит Нина, изворачивается, и я чувствую острую, обжигающую боль в паху.

– Блядь! – рычу, инстинктивно разжимая объятия. Макар заливается громким искренним хохотом. Мой друг, не теряя ни секунды, играючи ловит нашу булочку, притягивая ее к своей мощной груди.

– Я передумал, Гера... – заявляет он, и в его темных глазах загорается одержимый блеск, который я знаю с детства, – я хочу ее! Эту девственницу. И она будет моей.

Боль понемногу отступает, я медленно выпрямляюсь. Шумно выдыхаю, пропуская через себя его слова. Заглядываю в глаза Макара. Глубоко, пытаюсь прочитать его истинные намерения. Уступить? Просто отдать?..

Смогу ли? Прищуриваюсь, чувствуя, как во мне рождается азарт.

– Я тоже ее хочу... – заявляю уверенно, – ну что ж... Ниночка... моя сладкая девочка... похоже, ты стала желанным призом. В таком случае, предлагаю тебе игру...

Глава 10

Нина

Черт! Макар крепко держит, его мощные руки становятся для меня невольной опорой, пока Герман начинает свою опасную затягивающую игру. Ладно, выхода у меня нет. Придется выслушать.

Внутренний голос шепчет, что ничего хорошего это не сулит, но я отчаянно пытаюсь найти в этой аванюре хоть какую-то лазейку.

– Ты доказала, что у тебя есть характер. И огонь. Мы это ценим, – начинает Герман, и на его губах появляется коварная обезоруживающая ухмылка, от которой по коже бегут мурашки. Макар в ответ едва заметно сжимает мою грудь огромной ладонью, и волна тепла растекается по всему телу, заставляя сердце биться чаще.

Это безумие! Как я могу так странно реагировать на них? Возможно, сказываются мои разговоры с Русланой Михайловной. У нее ведь двое мужчин. Один муж, а второй... что-то вроде официального любовника. И они втроем выглядят такими счастливыми, что порой становится даже завидно.

– Так... – выдыхаю, пытаюсь вернуть себе хоть каплю кон-

троля, – и что это за игра?

С удивлением ловлю себя на мысли, что в объятиях Макара мне... комфортно. Его тело словно твердая надежная стена за моей спиной, а грубоватые сильные руки держат меня с какой-то первобытной уверенностью. Наверное, той женщине, которую он однажды по-настоящему полюбит, очень повезет.

«Орешкина, что за дикие фантазии?» – одергиваю сама себя.

– Я назову ее «Семь искушений Афродиты». Естественно, в роли богини любви будешь ты, золотце, – голос Германа звучит как бархатный соблазн, и бандюк тихо смеется, видя мое замешательство. – Условия просты: ближайшие семь дней ты полноправная хозяйка этого дома. Твоя честь и тело в полной безопасности, но только до тех пор, пока ты соблюдаешь правила. Попытка сбежать или связаться с кем-либо без моего ведома мгновенно заканчивает игру, и мы возвращаемся к изначальному способу взыскания долга.

Мне не нравится этот опасный блеск в его глазах. Хотя, если отбросить страх... У Германа действительно красивые глаза. Серо-голубые, с такими золотистыми вкраплениями, как будто в них застыли солнечные лучи.

Да что же это со мной происходит?!

– И какие правила я должна соблюдать? – спрашиваю, чувствуя предательский трепет во всем теле.

– Все очень просто, Ниночка, – Герман подходит вплот-

ную, и теперь я оказываюсь зажата между двумя мощными и горячими мужскими телами. Такое чувство, что температура вокруг поднимается на пару градусов. Голова слегка кружится от их близости. И странное, непонятное чувство начинает шевелиться в глубине души. Мне... нравится это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.